

временно найти свой дом на период оккупации их малой Родины. Кто-то из эвакуированных пробыл в Мордовской АССР один-два месяца, а кто-то остался здесь на более длительный срок, включившись в работу на благо своей Отчизне на новом месте проживания.

***

1. Два века на страже правопорядка : МВД Республики Мордовия : история и современность / авт.-сост. О. В. Корчиганов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2002. – 336 с.
2. Кечайкина Е. М. Милиция Мордовии в годы Великой Отечественной войны : 1941-1945 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук. Саранск, 2003. – 179 с.
3. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-526. Оп. 2 «л». Д. 36.

Дроздов С.В.

Звездный час партии кадетов

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина»
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-06-2019-53

idsp: ljjournal-06-2019-53

Аннотация

В настоящей статье автор, опираясь на авторитетные источники, рассматривает деятельность первого состава Временного правительства. В этом составе преобладали члены конституционно-демократической партии. Вопреки мнению о том, что в этот период кадеты стояли во главе страны, автор пытается показать, что уже с самого начала их работы в правительстве у них не было приписываемой им власти. С одной стороны на них давили социалисты, с другой – на их деятельность оказывали влияние масоны.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, Совет рабочих и солдатских депутатов, Государственная дума, П.Н.Миллюков, князь Г.Е.Львов, Николай II, М.В.Родзянко, А.Ф.Керенский, В.И.Ленин.

Abstract

The present paper is based on qualitative sources and focuses on the first members of the Russian Provisional Government. They were mostly members of the Constitutional Democratic party. Contrary to the opinion about the Kadets' supremacy in that period, the author argues that they had not had the alleged power since the beginning of their work in the Government. On the one hand they were pressed by Socialists, on the other hand their work was influenced by Masons.

Keywords: February Revolution, the Russian Provisional Government, the Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, the State Duma, P.N. Miliukov, prince G.E. Lvov, M.V. Rodzianko, A.F. Kerensky, V.I. Lenin.

В отечественной литературе сложилось устоявшееся мнение о том, что период февральской революции стал «звездным часом партии кадетов». В качестве основного аргумента приводится первый состав Временного правительства, в который вошли практически одни кадеты. Одним из основных создателей Временного правительства и главных действующих лиц его первого состава был признанный лидер кадетской партии профессор истории П.Н.Миллюков. После себя он оставил замечательные мемуары, по праву считающиеся одними из лучших в российской мемуаристике. С профессорской точностью и порядочностью настоящего русского интеллигента он правдиво отразил в своих воспоминаниях все основные события первого этапа русской революции, свидетелем и активным участником которых он являлся. Размышляя над его

воспоминаниями невольно задумываешься над тем, а был ли у партии кадетов этот «звездный час»?

События февраля 1917 года застали врасплох всех без исключения российских политиков. По свидетельству самих кадетов, «революция застала всех если не совсем неподготовленными, то, во всяком случае, с подготовкой гораздо меньшей, чем того требовали обстоятельства». (2,с.15-16). В феврале 1917 года в Петрограде сложилась парадоксальная ситуация – в столице страны, склады которой были завалены продовольствием, вдруг стали заканчиваться запасы хлеба. Власти города начали готовиться к введению продовольственных карточек. Они объясняли создавшуюся ситуацию перегрузкой железных дорог, обслуживающих нужды фронта, а также снежными заносами. По этим же причинам заводы, не получавшие вовремя сырье и топливо, останавливались, и тысячи рабочих оказывались на улице.

В докладе охранного отделения от 5 февраля говорилось: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями. Следствием нового повышения цен и исчезновения с рынка предметов первой необходимости явился новый взрыв недовольства, охвативший даже консервативные слои чиновничества». А далее делался вывод: «Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать... А что подобного рода стихийные выступления голодных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех – анархической революции, – сомневаться не приходится» (1,с.30).

Депутаты Государственной Думы критиковали «бездарных министров», неспособных организовать доставку хлеба в город, и требовали их отставки. Однако чиновники, имевшие возможность как-то влиять на ситуацию, не торопились с принятием решений, которые могли бы эту ситуацию изменить. Не проявлял активности и сам император. 10 февраля председатель IV Государственной думы М.В.Родзянко отправился в Царское село со своим последним всеподданнейшим докладом. Обрисовав положение, сложившееся в столице, Родзянко пытался побудить императора к активной деятельности во имя спасения страны и династии. «Ну, Бог даст», – ответил Николай II на предостережения председателя Думы. – «Бог ничего не даст, – воскликнул Родзянко, – вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема!» (1,с.35).

Пророчество председателя Государственной Думы очень скоро начало сбываться. Перед закрытыми магазинами в Петрограде выстраивались огромные очереди. Паникеры и провокаторы пугали население угрозой голода. Подстрекаемые ими люди начали громить магазины и продовольственные склады. В ряде районов начались столкновения с полицией.

23 февраля (8 марта), в Международный женский день, в Петрограде состоялась демонстрация работниц, которая проходила мирно, почти радостно. По пути шествия к ней присоединялись различные люди: студенты, служащие, просто гуляющие. Закончилась она митингом, на котором звучали речи, направленные против правительства и продолжения войны. На следующий день забастовали почти все заводы. Толпы рабочих с красными флагами и пением «Марсельезы» стекались к центру города. Демонстранты громили витрины, останавливали движение транспорта. Произошло несколько жестких столкновений с полицией. Тем не менее, население было удивлено практическим бездействием властей. Как отмечал А.И.Солженицын: «Власти в февральском Петрограде действовали вопреки всякому здравому смыслу и законам тактики: не использовали своего контроля над телефоном и телеграфом, не использовали преимуществ ни в каком виде оружия, а свои малые силы не держали в кулаке, но разбросали беззащитно по городу» (7,с.7).

Получив телеграмму от царя с требованием немедленно прекратить беспорядки, командующий петроградским гарнизоном генерал С.С.Хабалов.

26 февраля приступил к активным действиям: было введено чрезвычайное положение и объявлено о роспуске Думы, начались аресты представителей различных революционных организаций. В этот день произошло несколько кровавых столкновений между войсками и демонстрантами, причем применять оружие приходилось офицерам, так как солдаты отказывались стрелять по рабочим. Обеспокоенный происходящим, Родзянко телеграфировал в Ставку царю: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». Царь, по свидетельству одного из придворных, получив эту телеграмму, сказал ему: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» (1,с.49).

В ночь с 26 на 27 февраля несколько частей Петроградского гарнизона перешли на сторону восставших, и, таким образом, всеобщая политическая стачка переросла в вооруженное восстание. Восставшие громили государственные учреждения, полицейские участки, магазины, тюрьмы. А к концу дня ими были захвачены вокзалы, арсенал, мосты через Неву, отдельные правительственные учреждения. В этот же день восставшие направились к Таврическому дворцу с целью оказать давление на заседавших в нем депутатов Государственной думы и навязать им свои правила игры.

В этих условиях П.Н.Милюков выступил с предложением создать Временный комитет членов Думы «для восстановления порядка и для сношений с лицами и учреждениями». Вот как он вспоминает эти события. В третьем часу дня совет старейшин обозначил состав Временного комитета, который во многом определил состав будущего правительства. Пока принимались все эти меры к созданию новой власти, физиономия Таврического дворца успела совершенно измениться. После полудня за воротами дворца скопилась уже многочисленная толпа, давившая на решетку. Тут была и «публика», и рабочие, и солдаты. Пришлось ворота открыть, и толпа хлынула во дворец. «А к вечеру мы уже почувствовали, что мы не одни во дворце – и вообще, больше не хозяева дворца. В другом конце дворца уже собирался этот другой претендент на власть, Совет рабочих депутатов, спешно созванный партийными организациями, которые до тех пор воздерживались от возглавления революции. Состав Совета был тогда довольно бесформенный; кроме вызванных представителей от фабрик примыкал кто хотел, а к концу дня пришлось прибавить к заголовку «Совет рабочих» также слова «и солдатских депутатов». Солдаты явились последними, но они были настоящими хозяевами момента. Правда, они сами того не сознавали и бросились во дворец не как победители, а как люди, боявшиеся ответственности за совершенное нарушение дисциплины, за убийства командиров и офицеров. Еще меньше, чем мы, они были уверены, что революция победила» (5,с.455).

К ночи Таврический дворец превратился в укрепленный лагерь. Солдаты привезли с собой ящики пулеметных лент, ручных гранат, даже втащили пушку. «Пока мы принимали меры к сохранению функционирования высших государственных учреждений, – отмечал Милюков, – Совет укреплял свое положение в столице, разделив Петроград на районы... Временный комитет Думы был отеснен в далекий угол дворца, по соседству с кабинетом председателя. Но для нужд текущего дня обеим организациям, думской и советской, пришлось войти в немедленный контакт» (5,с.456).

На следующий день, 28 февраля, все закончилось окончательной победой революции. Николай II прислал председателю Думы Родзянко телеграмму, разрешавшую ему лично сформировать ответственное министерство. Весь день 28 февраля был

торжеством Государственной думы. К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной думы, с изъявлениями своего подчинения Думе. Навстречу им выходил председатель Думы, чередовавшийся с депутатами.

В комитете с нетерпением ждали князя Львова, члена кадетской партии, которому была уготовлена роль главы правительства. Князь Львов прибыл в Таврический дворец 1 марта. «Мы почувствовали себя наконец *au complet* (в полном составе – С.Д.), – замечает Милуков; – временный комитет и правительство собрались для предварительного обмена мнениями. Я не помню содержания беседы: едва ли она и сосредоточивалась на специальных вопросах. Но хорошо помню произведенное на меня, а вероятно, и на других впечатление. Мы не почувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен: он реагировал на события в мягких, расплывчатых формах и отделялся общими фразами. В конце совещания ко мне нагнулся И.П.Демидов и спросил на ухо: «Ну что? Ну как?» Я ему с досадой ответил одним словом, тоже на ухо: «Шляпа!» Не знаю, выражало ли это то, что я чувствовал. Я, во всяком случае, был сильно разочарован» (5,с.458).

Выросший в деревне, князь Львов идеализировал русский народ. Он стоял на славянофильских позициях и не хотел замечать зла русской жизни. Он не умел и не хотел различать в народной толпе сподвижников Пугачева и Стеньки Разина. Зависть, злоба, жестокость, дикость, склонность к анархии и бунтарству оставались для него почти незамеченными. Он возлагал надежду на «народную душу», которая «всегда выводила страну из опасности». Проработав много лет в земских учреждениях, он прекрасно разбирался в сельской жизни, но плохо разбирался в политике. По выражению В.Д.Набокова, возглавив правительство, «он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи». «Было бы, конечно, нелепо обвинять князя Львова за неудачу революции, – подытоживал Милуков. – Революция слишком большая и сложная вещь. Но мне казалось, что я имею право обвинять его за неудачу моей политики в первой стадии революции. Или, наконец, обвинять себя за неудачу выбора в исполнители этой политики. Но я не мог выбрать, как и он не мог не пойти» (5,с.458).

На предложение кадетов включить левых в состав правительства Совет ответил отказом, так как социалисты считали начавшуюся революцию буржуазно-демократической, и не хотели компрометировать себя участием в «буржуазном» Временном правительстве. Лишь Керенскому, бывшему заместителем председателя Совета, удалось убедить Совет позволить ему занять пост министра юстиции в этом правительстве. Доказывая свою необходимость участия в правительстве, Керенский патетически произнес: «Товарищи! В моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук... Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне, убейте меня!» Произнеся эту речь то замирающим шепотом, то захватывающими нотами с дрожью в голосе, Керенский выбежал из собрания, не дождавшись голосования, но с предполагаемым разрешением объявить правительству, что он входит в его состав с разрешения Совета, как его представитель (5,с.461).

Другой причиной того, что социалисты пока воздерживались от власти была полная неожиданность революции для них, в результате чего у них не было тесной связи с массами и не на кого было опереться. Это также давало возможность Временному правительству работать первое время в образованном Государственной думой составе. В то же время и Совет не хотел отказаться от своей доли фактической власти. Между этими двумя центрами власти необходимо было установить определенное соглашение. Для этого поздно вечером 1 марта от имени Исполкома Совета к временному комитету Думы и правительству явилась делегация в составе Чхеидзе, Стеклова, Суханова, Соколова и др. с предложением обсудить условия поддержки правительства демократическими организациями.

2 марта произошло событие, изменившее весь дальнейший ход российской истории. «Император Николай II, подписав документы об отречении от престола, сам того не ведая, подписал смертный приговор себе, своей семье и всей Российской империи» (3, с.5). После отречения власть в России переходила к Временному правительству, которое обязывалось довести страну до Учредительного собрания. Во главе первого революционного правительства, согласно состоявшемуся еще до переворота уговору, было поставлено лицо, выдвинутое на этот пост своим положением в российском земстве, – князь Г.Е.Львов, мало известный лично большинству членов Временного комитета.

Посты в правительстве были распределены следующим образом. П.Н.Милюков и А.И. Гучков в соответствии с их прежней деятельностью в Государственной думе были выдвинуты на посты министров иностранных дел и военного (а также морского, для которого в эту минуту не нашлось подходящего кандидата). Два портфеля – министра юстиции и труда – были намечены для представителей социалистических партий. Но из них лишь А.Ф.Керенский 2 марта дал свое согласие на первый пост. Н.С.Чхеидзе, предполагавшийся для министерства труда, предпочел остаться председателем Совета рабочих и солдатских депутатов. Н.В.Некрасов и М.И.Терещенко, два министра, которым суждено было потом играть особую роль в революционных кабинетах как по их непосредственной личной близости с Керенским, так и по их особой близости к конспиративным кружкам, готовившим революцию, получили министерства путей сообщения и финансов. А.И.Шингарев, только что обличенный тяжелой обязанностью обеспечения столицы продовольствием, получил министерство земледелия, а в нем не менее тяжелую задачу – столкнуться с левыми течениями в аграрном вопросе. А.И.Коновалов и А.А.Мануйлов получили посты, соответствующие социальному положению первого (крупный текстильный фабрикант) и профессиональным занятиям второго (был одно время ректором Московского университета), министерство торговли и министерство народного просвещения. Наконец, участие правых фракций «прогрессивного блока» в правительстве было обеспечено введением И.В.Годнева и В.Н.Львова, думские выступления которых сделали их бесспорными кандидатами на посты государственного контролера и обер-прокурора Синода (6, с.41).

Милюков был убежден в необходимости сильной власти, как для сохранения Временного правительства (чтобы оно было в состоянии довести страну до Учредительного собрания), так и для сохранения России. Этой власти князь Львов с собой не принес, чем и вызывал глубокое разочарование у лидера партии кадетов. «Ни на кресле премьера, ни в роли министра внутренних дел, – по мнению Милюкова – он был не на своем месте». И в итоге, не сумев проявить сильной власти, он передал эту миссию в июле «человеку, который тоже не сумел ее создать, но, по крайней мере, сумел ее симулировать. И прежде всего, сделал это в составе первого кабинета, покорив своей воле волю князя Львова» (5, с.475).

Керенский был хорошим артистом и умел навязать себя вовремя. Милюков приводит интересный эпизод, рассказанный В.Д.Набоковым, весьма характерный для Керенского. В одном из закрытых ночных заседаний правительства в Мариинском дворце Милюков сказал, что германские деньги были в числе факторов, содействовавших перевороту. «Керенский, по своему обыкновению, нетерпеливо и раздраженно ходил из одного конца зала в другой... Он вдруг остановился и оттуда (из далекого угла зала) закричал: «Как? Что Вы сказали? Повторите!» Милюков спокойно и, так сказать, увесисто повторил свою фразу. Керенский словно осатанел. Он схватил свой портфель и, хлопнув им по столу, завопил: «После того, как господин Милюков осмелился в моем присутствии оклеветать святое дело великой русской революции, я ни одной минуты здесь больше не желаю оставаться». С этими словами он повернулся и стрелой вылетел из зала... Милюков сохранил полное хладнокровие и на мои слова ему: «Какая безобразная и

нелепая выходка» – отвечал: «Да, это обычный стиль Керенского. Он и в Думе часто проделывал такие штуки» (5,с.476).

И тем не менее, позер Керенский все более укрепляет свое положение в правительстве и свое влияние на его членов. Отчасти Милюков объясняет это членством Керенского в партии эсеров и в Совете, отчасти – масонскими связями с некоторыми членами правительства. Этими связями он объясняет и последующее образование «триумvirата» в правительстве (Керенский, Некрасов, Терещенко), играющего в нем ведущую роль. Этим он объясняет и постепенное выдавливание из правительства Милюкова, отказавшегося в свое время стать членом масонской ложи.

Руководствуясь желанием дать стране основы демократического строя, Временное правительство уже в первые дни своей работы приняло ряд законов, направленных на достижение этой цели. Оно провозгласило введение основных гражданских свобод, распространявшихся и на военнослужащих, упразднение карательных органов старого режима, отмену всех сословных, национальных и религиозных ограничений, отмену смертной казни (даже на фронте), амнистию заключенным. Было создано Особое совещание для выработки избирательного закона в Учредительное собрание. Под давлением Совета Временным правительством был также санкционирован арест царской семьи и ряда высших чиновников и генералов. Для расследования действий бывшей царской администрации была создана Чрезвычайная следственная комиссия.

Однако в работе правительства были и определенные трудности. Так, министры собирались каждый день, днем и вечером; составлять повестки и готовить доклады было некогда. В.Д.Набоков взял на себя трудную задачу управляющего делами, но упорядочить ход дел ему удалось далеко не сразу. Князь Львов оказался неудачным председателем: он не был в состоянии руководить прениями и большей частью молчал, не имея своего мнения. Единственный голос власти в заседаниях принадлежал Керенскому, перед которым председатель совершенно стушевывался. Протоколов прений и голосований не велось с сознательным намерением сохранить фикцию единства правительства. «Впрочем, прения, часто горячие, велись только по принципиальным вопросам в конце вечернего заседания, когда канцелярия удалялась. На дневные заседания министры приходили, уже утомленные работой в своих министерствах, опаздывали и в полусне выслушивали очередные доклады, не зная заранее их содержания» (5,с.479).

Между тем, союзники оказывали давление на Временное правительство. Они требовали от России выполнения союзнических обязательств, т.е. продолжения войны до победного конца. Английский посол Джордж Бьюкенен и французский Морис Палеолог регулярно встречались с министром иностранных дел П.Н.Милюковым и заставляли его подтверждать приверженность России союзническим обязательствам. С другой стороны, со стороны Совета, на него давили социалисты, требуя убедить союзников в необходимости прекращения войны и заключения мира без аннексий и контрибуций. Палеолог энергично убеждал Милюкова, что «требования Совета равносильны измене России, и если они осуществляются, это будет вечным позором для русского народа». Таким образом, Милюков оказывался между двух огней, и ему приходилось лавировать как настоящему дипломату.

А положение в армии было катастрофическим. Вызванные из запаса солдаты, плохо обученные и недисциплинированные (в основном крестьяне) не стремились попасть на войну. Многие сбегали уже по дороге на фронт, а те, которые доходили в неполном составе, по мнению офицеров регулярной армии, лучше бы не доходили вовсе. Раньше, чем они прочли номер «Окопной правды» – листка, разбрасывавшегося в окопах на германские деньги с целью разложить армию, – и раньше чем появились в ее рядах в заметном количестве свои, русские агитаторы, процесс разложения уже зашел далеко в солдатских рядах. Десять дней спустя после создания правительства генерал Алексеев уже писал Гучкову, что он не в состоянии исполнить обязательства, принятые перед союзниками на совещаниях в Шантильи в ноябре 1916 г. и Петрограде в феврале 1917 г.

(решительно атаковать противника не позже, чем через три недели после начала наступления союзников). А появившаяся в начале марта в печати «декларация прав солдата» по выражению генерала Алексеева забила последний гвоздь в гроб русской армии. Солдатская секция, составившая этот проект, выдала его за решение Совета рабочих и солдатских депутатов. Гибельный лозунг «мир на фронте и война в стране», по выражению Гучкова, уже привел тогда «отечество на край гибели».

В апреле из тюрем, из ссылки, из эмиграции возвращались освобожденные амнистией русские социалисты. В Петрограде их встречали с почетом и горячими приветствиями. В числе прибывших приехал через Германию в «запломбированном вагоне» и Ленин. С первых дней пребывания в России он начал призывать к свержению Временного правительства и передаче всей власти Совету. Его призывы не находили поддержки, так как тогда никто не понимал, для чего надо было свергать правительство, которое и так было временным, и главной задачей которого было довести страну до Учредительного собрания. Но Ленин был полон энергии, и для достижения поставленной цели не ограничивался в средствах.

20 апреля была опубликована, одобренная правительством, нота Милюкова, в которой он заверял западных союзников в готовности России к выполнению своих союзнических обязательств и к ведению войны до победного конца. Нота была использована большевиками для оказания давления на правительство и Совет. К 3 – 4 часам дня к Мариинскому дворцу пришел запасной батальон Финляндского полка с плакатами: «Долой Милюкова!», «Милюков в отставку!». За ними подошли еще роты 180-го запасного батальона и около роты Балтийского флотского экипажа. «Большинство солдат не знало, зачем их ведут... Кроме войск в демонстрации участвовали рабочие – подростки, не скрывавшие, что им за это заплачено по 10 – 15 рублей» (5, с.496).

Однако большинству Совета и публике прикосновение к составу Временного правительства еще представлялось недопустимым. На смену демонстрантам появились многолюдные процессии с плакатами: «Доверие Милюкову!», «Да здравствует Временное правительство!». Местами доходило до столкновений, но уже к вечеру 20 апреля – и особенно в течение 21 апреля – настроение, враждебное ленинцам возобладало на улицах. Однако 21 апреля большевики все-таки попытались начать вооруженную борьбу. Из рабочих кварталов двинулись к Марсову полю стройные колонны рабочих с отрядами красногвардейцев во главе с плакатами: «Долой войну!», «Долой Временное правительство!». К вечеру на улицах началась стрельба и были жертвы.

При таком настроении состоялось совещание правительства с Исполкомом Совета вечером 21 апреля. Ряд министров, включая Милюкова, выступили перед собранием с разъяснениями о трудностях положения в разных областях государственной жизни. Доклады произвели впечатление, и отношение Исполкома к правительству было примирительное. «Исполком 34 голосами против 19 решил признать эти разъяснения удовлетворительными и инцидент исчерпанным. Резолюция Исполнительного комитета гласила, что разъяснения кладут конец возможности истолкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии» (5, с.497).

В то же время правительство, подстегиваемое Керенским, исходя из того, что Совет – слишком могущественный фактор, чтобы его уничтожить или с ним не считаться, пришло к выводу, что единственное средство положить конец двоевластию – это образовать коалицию, то есть ввести в его состав несколько социалистов. При этом планировалось произвести некоторые замены. Вместо министра иностранных дел Милюкова поставить масона Терещенко (Милюкову предлагался пост министра просвещения), а на место военного министра Гучкова продвинуть Керенского.

Гучков, уже давно пребывавший в пессимистическом настроении из-за положения на фронте и в стране и считавший «дело проигранным», охотно ушел в отставку. Милюков же пытался объяснить князю Львову, что перед ним стоят два пути. Либо проводить твердую власть правительства, но в этом случае придется расстаться с

Керенским и быть готовым к сопротивлению активным шагам Совета на захват власти. Либо согласие на коалицию, подчинение ее программе и в результате дальнейшее ослабление власти и распад государства. Но так как этот вопрос правительством был уже давно предрешен, Милюкову, как активному противнику коалиции, ничего не оставалось делать, как уйти в отставку.

С 6 мая Временное правительство в обновленном составе приступило к исполнению своих обязанностей. «В новом коалиционном правительстве влияние кадетов на выработку и особенно проведение политического курса значительно сократилось» (8,с.257). Просуществовало оно до июля, когда после его кризиса было создано второе коалиционное правительство, которое возглавил социалист Керенский, а роль кадетов в нем была сведена до минимума.

Перед своим роспуском первый кабинет Временного правительства обратился к народу с политическим завещанием, в котором предупреждал его о таящейся впереди опасности: «Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущий гибель свободы. Губительный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, – путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма. Этот путь не должен быть путем русского народа» (4,с.174). К сожалению, это предостережение не было услышано.

***

1. Блок А.А. Последние дни императорской власти. Собрание сочинений в шести томах. Т.6. М.: Издательство «Правда», 1971. 400 с.
2. Вестник Партии народной свободы. №2, 18 мая 1917 г. С. 15-16.
3. Дроздов С.В. Русская революция. Триумф или трагедия? [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2017. № 1. URL: <http://st-hum.ru/content/drozдов-sv-russkaya-revolyuciya-triumf-ili-tragediya> (дата обращения: 14.06.2019).
4. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / перевод с английского. М.: Издательство «Республика», 1993. 384 с.
5. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.
6. Милюков П.Н. История второй русской революции. Воспоминания. Мемуары. Минск: Издательство «Харвест», 2002. 752 с.
7. Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Родина. Специальный выпуск. Февраль. 2017. С. 1-25.
8. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М.: Издательство «РОССПЭН», 1996. 280 с.

Королев Н.С.

Трудовая мотивация рабочих горнозаводского Урала в начале XX в.

*Челябинский государственный институт культуры
(Россия, Челябинск)*

doi: 10.18411/lj-06-2019-54

idsp: ljjournal-06-2019-54

Аннотация

В данной статье анализируется уровень производственной мотивации уральских рабочих в начале XX в. В ходе рассмотрения ее операционных характеристик, влияния макро и микрофакторов был сделан вывод о слабой заинтересованности рабочих в качественной и продуктивной работе. Главной причиной низкого уровня мотивации следует считать влияние особенностей горноокружной системы и патриархальных отношений между работниками и работодателями.

Ключевые слова: рабочие, горнозаводской Урал, производство, уровень мотивации, кризис, трудовая дисциплина